

У всех историй есть начало. Вопрос в том, чтобы определить, где оно находится. Начинается ли жизнь дерева с момента зачатия желудя или с момента, когда оно становится саженцем? Существуют ли персонажи книги в воображении автора еще до написания первой главы? Где провести черту между размытыми границами непрерывности, когда речь идет о такой сложной вещи, как человеческая жизнь?

Для Гарри Эванса история уже была написана, в другое время, в другом месте.

И закончилась она так, что многие мечты остались неосуществленными, а многие люди - убитыми горем.

Он умер.

Травматичный роман для всех, кто в нем участвовал. Родителям пришлось смириться с тем, что они пережили своего ребенка. Одноклассники, столкнувшиеся со своей смертностью из-за пустого места в аудитории. Друзья с номером на телефоне, по которому они больше никогда не позвонят.

Но как быть с умершими? Оплакивают ли умершие свою смерть?

Редко кто с радостью уходит в потусторонние объятия, сделав все свои дела на земле и отдав всю любовь, на которую был способен. Они редко бывают довольны своей последней главой. Однако мы не решаемся учитывать их мнение по этому поводу. В конце концов, у мертвых нет своего мнения. Таково общее мнение.

Вместо того чтобы пускаться в теоретические рассуждения об автономии умерших, что, несомненно, является интересной темой, мы рассмотрим один загадочный случай. В конце концов, почему бы и нет, если он легко доступен.

Если бы кто-то по неизвестным причинам пережил свою смерть. Как бы такой человек оплакивал свою смерть? В то время как близкие умершего потеряли одну связь, неважно насколько дорогую, умерший человек потерял все. Семью, друзей, спутника жизни, вплоть до велосипеда, записной книжки, ноутбука, карьеры, квартиры и своего тела в буквальном смысле.

Сколько времени требуется умершему человеку, чтобы смириться с тем, что его лишили всего, что он когда-либо испытывал?

1 ноября 1987 года

Мальчик стоял на коленях на лесной поляне. В часе езды на велосипеде от своего дома, чтобы никто не мог случайно наткнуться на него. Он проводил здесь по часу в день в течение последнего месяца. Он копал ямы.

Ребенка зовут Гарри. Ему девять лет, и он хочет жить дальше. Он хочет идти к неопределенному, но существующему будущему, а не заикливаться на неизменном прошлом.

Здесь не только три ямы, но и три креста, аккуратно сделанные из палок и бечевки.

Если до сих пор это непонятно, то ямы - это могилы.

Гарри встал с колен рядом с самой большой из могил и отбросил садовый совок, которым он пользовался, в кучу грязи, которую он выкопал. Он был уверен, что выглядит комично в своем ярко-желтом анораке, пластиковых красных штанах и зеленых ботинках с маленькими лягушками на них. Ему хотелось бы, чтобы обстановка была комичной, но, к сожалению, она была довольно унылой.

"Сегодня мы собрались здесь, чтобы скорбеть. Это уместно, ведь сегодня первое ноября. День мертвых, когда барьер между живыми и усопшими становится самым слабым", - сказал он мальчишеским голосом, но с торжественностью и многословием, которые заставили бы любого взрослого дважды подумать, не ошибся ли он в возрасте говорящего.

"Почти в этот самый день, девять лет назад, у меня забрали трех близких".

Из правого бокового кармана анорака был извлечен небольшой блокнот. Гарри пролистал его, и при беглом просмотре некоторые слова бросились ему в глаза. Квартира, дневник, паспорт и медные котелки для приготовления пищи - вот некоторые из них. Он бросил блокнот в самое маленькое отверстие, сложил руки в притворной молитве и склонил голову.

"Я скорблю о потере материального, ибо оно было пропитано общением с духом", - сказал он и на минуту застыл в этой позе.

Следующим предметом был рисунок молодого человека с дипломом, стоящего перед большой группой людей, повернувшихся к нему с улыбками на лицах. Рисунок был скомкан и брошен в среднюю могилу.

"Я скорблю о потере планов, которые были у меня, и о людях, которых оставляю позади. Я скорблю об утрате пота, пролитого на достижение неисполнимых целей, и любви, разделенной в теперь уже разорванных узах".

Эти слова эхом разнеслись по поляне. Вслед за ними раздались тихие всхлипывания. Гарри опустил голову и поднял руки, чтобы попрощаться со второй могилой.

Последней он боялся больше всего. Ведь в жизни есть вещи, которые нельзя потерять, помимо вещей, мечты, друзей и семьи.

Он наполовину надеялся, что это возможно - отпустить, забыть. Но другая его половина хотела помнить, использовать страдания как топливо. Интегрировать его.

После некоторых поисков, усложнявшихся дрожанием маленькой руки, из кармана была

извлечена очень реалистичная кукла. Кукла была женского пола, со светлыми волосами, в бледно-голубых джинсах и зеленом свитере. На ногах красовались крошечные туфельки. Гарри уставился на абстракцию, по его лицу текли слёзы, грозя заслонить обзор. Над безжизненными чертами лица появилось наложение женщины, которую должна была изображать кукла. Призрак грустно улыбнулся и что-то пробормотал. Гарри не умел читать по губам. Но ему казалось, что он может определить движение губ при произнесении фраз, которые он слышал достаточно часто.

"Я люблю тебя и прощай", - сказал призрак, и Гарри понял, что окончательно сошел с ума.

"Я тоже тебя люблю", - прошептал он призраку.

Слова исчезли, как неподвижность озера под воздействием скачущего камня, и приведение тоже исчезло. Кукла была куклой.

Гарри приподнялся, икнул от сильной дрожи, которая начала овладевать всем его телом, и бросил представление в последнюю, самую большую дыру. Он был слишком расстроен, чтобы привести себя в надлежащее положение, и просто начал говорить без предисловий.

"Я скорблю по самому дорогому человеку, оставшемуся в другом мире, надеясь, что он обретет счастье в хорошо прожитой жизни", - ему удалось произнести это дрожащим голосом.

Чувство, которое начало переполнять его, трудно было описать.

Он споткнулся и упал на землю. Вместо того чтобы метафорически ощущать, будто в его крошечной груди пропало сердце, он почувствовал, что где-то внутри него течет нечто вполне реальное, пусть и эфемерное. Это была его магия, сила, сопровождавшая его с самого рождения в этой новой жизни. Он задыхался и пытался остановить происходящее, но это было невозможно. Земля требовала слишком многого, а его магия была слишком готова отдать все, что у нее было. И только когда в его глазах начали появляться черные пятна, происходящее наконец прекратилось, и он остался задыхаться и дрожать, а его мокрая щека превратила землю в грязь. Ему удалось заставить себя поднять голову и посмотреть на вырытые могилы. Именно благодаря этому он увидел, как над ними появился мягкий зеленый свет. Несколько мгновений он беззаботно парил в воздухе, а затем, видимо, решил, что ему лучше быть в земле. Он опустился вниз, как лист, и исчез в самой главной из могил.

Гарри застыл на месте, наполовину испуганный, наполовину ошеломлённый. Внутри него образовалась некая неметафорическая пустота, но, тем не менее, он с энергией, присущей только маленьким детям, бросился к могилам и с удивлением уставился на них. Он уже собирался шагнуть вперед и попытаться заглянуть внутрь, снова увидеть зеленый свет, разглядеть его свойства, но тут земля снова задрожала, и он попятился назад. И хорошо, что оступился, потому что большая куча грязи, которую он вытащил из земли, покатила влево, вправо, в небо, а потом внезапно опустилась на могилы, как будто ее пнул великан. Все могилы были идеально заполнены, выровнены, как будто кто-то очень старался это сделать.

После всего этого явления, столь короткого и удивительного, остался один одурманенный и грязный ребенок и абсолютно никаких реальных доказательств того, что 1 ноября на лесной поляне в часе езды на велосипеде от Тисовой улицы 4, графство Суррей, произошло что-то интересное.

Единственной диковинкой были три грубо сделанных креста, которые прохожий, скорее всего, счел бы плохим розыгрышем.

Гарри, в свою очередь, развернулся и побежал обратно к своему велосипеду. Если бы он задержался чуть дольше, то, возможно, увидел бы, как из самой большой могилы выбивается маленький саженец, вызывающе устремляя свой бутон к небесам.

<http://tl.rulate.ru/book/102387/3536663>